

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

К. И. Дубовенко

Томский государственный университет

Немецкая духовно-назидательная литература в записных книжках В. А. Жуковского 1840–1850-х годов

Исследуется материал поздних неизданных рукописей В. А. Жуковского на предмет наличия в них следов занятий немецкой духовно-назидательной литературой. Автографы и маргиналии атрибутируются, датируются, комментируются с опорой на аутентичный культурно-исторический контекст и представляются в пространстве религиозных исканий Жуковского. Финальный этап эволюции творческого мышления русского классика соотносен с аутентичным ему немецким окружением и контекстом последнего десятилетия житетворчества. Охарактеризован резонансный диалог Жуковского с духовной литературой Германии XIX в., выявлены очевидные созвучия избранных им мест из немецких авторов и мотивов его поздних сочинений и планов. Немецкоязычные выписки из духовно-назидательной литературы в записных книжках 1840–1850-х гг. свидетельствуют о высокой степени заинтересованности Жуковского в материале и о существовании собственной уникальной стратегии его осмысления.

Ключевые слова: записные книжки, В. А. Жуковский, немецкие автографы, немецкая духовно-назидательная литература.

Знаковость финального этапа житетворчества В. А. Жуковского со всей полнотой отразилась в его опытах второй половины 1840 – начала 1850-х гг. Создание уникальной «Христианской философии», перевод Нового Завета, проект по изданию русской «Живописной священной истории» для детей, перевод гомеровой «Одиссеи» – планы поражают своим масштабом и глубиной.

Проекты эти были задуманы и воплощены в жизнь на фоне серьезных систематических занятий немецкой духовно-назидательной литературой. К книжной культуре немецкого пиетизма и благочестия восходит целый ряд сюжетов и мотивов «святой прозы» Жуковского. Круг этих устойчивых семантических реализаций установлен И. А. Айзиковой [Айзикова, 2008]. Основой «святой прозы» и одновременно ее организующим центром является Евангелие, в центре которого, в свою очередь, находится *образ Христа*. Все дальнейшие темы, мотивы и их развитие так или иначе связаны с воплощением в человеческом образе Иисуса,

Дубовенко Ксения Игоревна – аспирант филологического факультета Томского государственного университета (пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия; ksutka1@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2015. № 3
© К. И. Дубовенко, 2015

вращаясь вокруг него. «“Святая проза” Жуковского вся построена на мысли о Христе как неоспоримой, вечной истине, определяющей бытие человека» [Айзикова, 2008, с. 169].

Анализируя «святую прозу» Жуковского, нельзя не отметить тезис о соединении художественного и религиозного начал, о взаимосвязи искусства и религии, о родстве Слова Божия и слова поэтического. Этот тезис является программным и не раз был отмечен исследователями творчества В. А. Жуковского. Первый русский романтик ясно понимал, что всякое поэтическое слово и всякое искусство есть творение в творении: творение человека внутри творения Божия. *Откровение* обуславливает связь между Словом Божьим и словом поэтическим, являясь промежуточным звеном этой цепи. Жуковский был уверен, что слова поэта рождаются не благодаря его человеческой воле, а как награда, являющаяся результатом неутомимого и непрерывного поиска Откровения.

Выделенные И. А. Айзиковой мотивы и основные христианские сюжеты «своятой прозы» Жуковского 1840–1850-х гг., в частности мотивы *молитвы, смирения, покаяния, греха, искупления, образ Христа, сюжет Святого причастия, мотивы смерти и бессмертия*, – составляют отдельную сферу житнетворческих исканий позднего Жуковского. Это те универсалии, которые в совокупности образуют концептуальную систему религиозно-романтического сознания поэта, сознательно применяемую им при изучении всех духовных изданий вне зависимости от того, к какой религии они принадлежат: православию, католичеству, протестантству, иудаизму.

В контексте обозначенной системы координат интересной находкой представляются неопубликованные записные книжки поэта 1840–1850-х гг., в которых содержатся немецкоязычные заметки и выписки из духовно-назидательной литературы. Материалы поздних записных книжек русского классика уже давно являются предметом неугасающего интереса ученых-жуковсковедов, но, несмотря на это, немецкоязычная их составляющая до сих пор не становилась предметом специального исследования. Из восьми записных книжек периода 1840–1850-х гг., хранящихся в архиве В. А. Жуковского¹, четыре содержат немецкие автографы владельца. Наиболее значимые записи находятся в записных книжках № 67 и 64.

В начале записной книжки № 67 обнаруживаются карандашные автографы на немецком языке, аккуратные и разборчивые записи, сделанные рукой Жуковского. Наброски озаглавлены автором «Traurigkeit. Entkleidung» («Скорбь. Снятие одежды») и выстроены в определенном порядке, образуя связный текст, занимающий два с половиной листа записной тетради (№ 67, л. 7–9). Удалось установить, что выписки сделаны из второго тома книги «Проповеди Иоганна Таулера» [Tauler, 1826]. Иоганн Таулер (1300–1361) – известный немецкий проповедник, знаковая фигура немецкой культуры. Рано обратившись к внутренней духовной жизни и отказавшись от отцовского наследства, в 15 лет он вступил в доминиканский монастырь в Страсбурге. Будучи одним из самых известных проповедников своего времени, он никогда не записывал свои речи. Труды под его именем составлены различными издателями на основе его проповедей. Таулер проповедовал внутреннюю собранность и отрешенность от окружающих впечатлений, уход в то основание души, где возможно мистическое созерцание. Неизмеримое блаженство, по Таулеру, заключено не в деятельности, а в предоставлении себя воле Божией. Первое печатное издание проповедей Таулера появилось довольно рано – в Лейпциге, в 1498 г. В течение двух следующих веков его труды издавались в разных городах Германии, Швейцарии и Нидерландов с частотой раз в 30–40 лет.

¹ РНБ, архив В. А. Жуковского, ф. 286, оп. 1, № 60–67. Далее ссылки на записные книжки Жуковского даны в круглых скобках с указанием номера книжки и листов.

«Проповеди Иоганна Таулера» в трех томах принадлежат к особому, излюбленному Жуковским жанру календарной духовной литературы, где каждая глава представляет собой проповедь, предназначенную специально для определенного христианского праздника. Выписки были сделаны Жуковским только из одной проповеди, посвященной дню 21 воскресенья после празднования Святой Троицы. Центральным мотивом выписок становится мотив страдания, представленного как благо, дарованное христианину:

In Anfechtung lernet der Mensch sich selbst erkennen, wer er ist und was er ist (№ 67, л. 7)².

В испытании веры учится человек познавать самого себя, каков он есть и на что способен.

Darum wird der Mensch seines inwendigen Grundes nimmer besser gewahr, denn in der Anfechtung des Leidens (Там же).

Потому нигде человек не осознает лучше свою истинную суть, чем в испытании страданием.

Es ist kein Leiden auf den Menschen gefallen, es sei von Ewigkeit in dem göttlichen Herzen vorgesehen. Gott gibt sich selber in dem Leiden also wahrhaftig wie in dem Sakrament (Там же).

Страдание неспроста дано человеку, оно предназначено вечностью в сердце Господа. Всевышний являет себя в страдании с той же силой, что в Таинстве.

Warum aber in dem Leiden geben wenige Gnaden als in dem Sakrament? Weil man Leiden nicht wie eine liebliche, freundliche Gabe Gotte von dem allerliebsten Freund nimmt (Там же).

Но почему в страдании дается меньше милости Божьей, чем в Таинстве? Потому что страдание не принимают как искренний и приятный подарок от самого близкого друга.

Die Leiden wird die edle Tugend der Demut geboren, und lauter göttliche Furcht und Vermahnung, dass der Mensch allein zu ihm fliehe, und auf ihm Hilfe suche, die alles zu überstreiten vermag (Там же).

Страдания породят то, что способно все преодолеть: драгоценную добродетель смирения, истинную богобоязненность и назидание, чтоб человек лишь к Нему одному прибегал и у Него одного искал помощи.

Страдание не просто необходимо, оно расценивается как особый знак любви Бога, который нужно ценить подобно «искреннему и приятному подарку от самого близкого друга» (Там же). Кроме очевидных автобиографических мотивов, побудивших Жуковского обратиться именно к этой теме, выписки резонируют с концепцией неоконченной поэмы «Странствующий жид», в которой, по справедливому замечанию И. Ю. Виницкого, поэт «постарался художественно реализовать свою последнюю поэтическую теодицею, основанную на концепции благого страдания» [Виницкий, 2006, с. 107].

Не менее важным в определении возможных мотивов выписок видится близкий поэту рыцарский образ, который является ключевым для проповеди, привлекающей русского классика. Тема богослужения в этот день, согласно лютеранскому церковному календарю, посвящена «духовному оружию»:

Die Gemahl [Gottes] die sich entkleiden muss, kommt in alle Traurigkeit, dass sie das nicht vermöge, was Er von ihr begehrt und fordert (№ 67, л. 7).

Войско Господне, которое должно скинуть с себя все мирские оковы, скорбит от того, что не способно к тому, что Он от него требует и ждет.

² Здесь и далее курсив и перевод наши. – К. Д.

Und Paulus sagt: werdet stark in Gott, was ihr dann in euch selber nicht vermögt, das vermögt ihr durch ihn, und mit ihm. Darum lasst alles zur Thun und Lassen an ihn, so vermögt ihr alle Dinge, und sucht es in seiner Herrschaft, in seiner Gewalt, in seiner Menschheit, sucht es in ihm gründlich und innerlich, und nehmet eure Kraft in Gott dem Herrn, in seiner Vermöglichkeit und alles euer Vermögen und Kraft in euch, sei allem in Gott dem Herrn (№ 67, л. 7).

И сказал Павел: будьте сильны в Боге, и то, что не по силам вам самим, совершите через Него и с Ним. Потому верьте всю суть свою Ему, и все станет вам по силам, ищите все в Его власти, в Его могуществе, в Его человечности, ищите основательно и примите свою силу во имя Господа и процветания Его, и вся ваша сила, да будет во имя Господа.

Tut die Waffen Gottes an. Sagt Paulus: Die Waffen in dem Wort Christi: Lernt von mir, denn ich bin sanftmütig und eines demütigen Herzens (Там же).

Облачись в доспехи Бога. Как сказал Павел: духовное оружие в слове Христовом: учись у меня, ибо кроток я и смиренен сердцем.

Darum muss der Mensch die Waffen Gottes antun: den Schild des Glaubens gegen die Pfeile des bösen Geistes; den Helm des Heils und der Zuversicht, und gegürtet sein mit der Gerechtigkeit Gottes (№ 67, л. 8).

Потому человек должен облачиться в доспехи Бога:

щит веры от стрел злого духа;

шлем святости и веры и быть опоясанным справедливостью Божией.

Der Panzer der Tugenden und das Schwert – das Wort Gottes: in den bösen Tagen der Anfechtung, der Tage, deren wir alle warten sind (№ 67, л. 9).

Кольчуга, сплетенная из добродетели, и меч – слово Божье для темных дней испытания, дней, которых все мы ждем.

Немецкие записи Жуковского завершаются красочным описанием облачения в доспехи рыцаря-христианина:

Автограф В. А. Жуковского

Перевод

Mit dem Schild des Glaubens, mit dem
Schwerte des heiligen Wortes
Gottes und bestehen in göttlicher
Liebe, in der Wahrheit.

Со щитом веры,
С мечом святого Слова
Божия, да выстоим в Божией
Любви и истине.

Эти строки в оригинале Таулера умещаются в одно предложение. Жуковский же, осуществляя выписку этого фрагмента, представляет его в четырех строках, поэтизируя всю картину облачения.

Отдельно необходимо сказать об оригинальных комментариях поэта, тех строках, которых нет в книге И. Таулера. Выписки из «Проповедей» немецкого проповедника органически дополняются собственными мыслями Жуковского:

Tut die edlen Waffen Gottes an, ihr überwinde die Anfechtung, und seid dabei sanftmütig und demütig (S. 437). Mit ihrer siegt der Mensch, ohne sie der Mensch ist sieglos und besiegt (№ 67, л. 7).

Облачись в драгоценные доспехи Бога, с ним пройди испытание и стань кроток и смиренен. **С ними человек побеждает, без них человек повержен и побежден.**

Wahre demütige Mensch hat keinen Willen, noch eigenes Haupt, denn er ist arm von Geist und von Natur, aber Gott ist sein eigenes Haupt und sein Aufenthalt, sein Tun und sein Lassen. Darum demütigt euch unter die gewaltige Hand Gottes, so erhöht er euch

(S. 437). *Unsere größten Feinde inwendige Krankheit der Seele und ihre Armut an Glaube, Liebe und Hoffnung, anwend. körperliche Krankheit, und Armut an allem was unsere körperlichen Leben nötig. Das heisst sind das Haben des Schlechtes und das Nichthaben des Gutes* (№ 67, л. 8).

Истинно смиренный человек не имеет собственной воли, своего разума, он беден духом и всем естеством своим, но Бог – суть разумение его, его прибежище и все его естество. Потому смиритесь под могущественной дланью Господней, так он возвысит вас. **Наши злейшие враги – внутренняя болезнь души и бедность ее веры, любви и надежды, подобно телесным болезням и недостаткам всего, что нам необходимо в жизни телесной. Это означает именование дурного и именование благого.**

В записной книжке первого русского романтика мысли собственные столь тесно сплетены с выписками из немецкой духовной литературы, что «чужое» подчас неотделимо от «своего».

Следующая записная книжка № 64 также хранит немецкоязычные автографы первого русского романтика. Она если и была изучена исследователями, то только фронтально, определенное неудобство представляет ее карманный формат – примерно 6 × 13 см. Ее содержание на семьдесят процентов состоит из записей на немецком языке, с редкими вкраплениями франкоязычного и русскоязычного текстов. Кроме черновых автографов книжка содержит карандашные пейзажи, чертежи домов, названия немецких городов и расстояния до них. Вероятно, она служила среди прочего для планирования маршрута возвращения на родину из «туманной Германии», о котором Жуковский мечтал на протяжении последних лет жизни. Выписки сделаны карандашом и чернилами: наброски зачастую неразборчивы, слова и предложения записаны не полностью, с сокращениями. Текст записей занимает одиннадцать листов (№ 64, л. 1–11).

В начале третьего листа обнаруживаются указания на издания, которые послужили источником черновых набросков. Под записью *Les excellent de los Hebräos v. Cardoso in XVI Jahr* подразумевается двухтомный трактат известного португальского врача, писателя и философа XVII в. Исаака Кардозо (1603/04–1683) «Достоинства евреев» [Cardoso, 1679]. О личности автора известно немного. Кардозо, будучи ребенком, был крещен и получил от родителей имя Фернандо, обучался медицине в университете Вальядолида, но уже в зрелом возрасте внезапно отрекся от христианства, принял иудаизм и взял себе имя Исаак. Этот поворот в сторону иудаизма произошел в 1648 г., когда Кардозо покинул Испанию и направился в Венецию. С 1652 г. и до самой смерти он жил в Вероне, исполняя обязанности врача еврейской общины. В своем крупнейшем трактате «Достоинства евреев» Кардозо выступил противником каббалы и лжемессии Саббата Цеви, а также открыто осмеивал доктрину о переселении душ, но при этом превозносил достоинства евреев и опровергал многочисленные обвинения, направленные в их адрес.

Другая запись: *Eisenmenger – Entdecktes Judenthum* – заставляет нас обратиться к Иоганну Андреасу Айзенменгеру (1654–1704) – немецкому гебраисту и основателю научного антисемитизма. Айзенменгер родился в Мангейме, специализировался на изучении восточных языков, в частности иврита. В период с 1680 по 1681 г. в качестве стипендиата курфюрста Карла Людвига обучался в Амстердаме, где был буквально шокирован многочисленными случаями перехода из христианской веры в иудейскую. Как акт протеста против подобного кощунства он решил посвятить себя многолетнему глубокому изучению Талмуда и раввинских учений. Результатом его усердного труда стало базирующееся на более чем двухстах источниках сочинение «Разоблаченный иудаизм» [Eisenmenger, 1700]. Айзенменгеровские переводы иудейских текстов зачастую были неверны-

ми и преднамеренно искаженными, например, он писал о том, что иудеи подсыпали яд в колодцы, откуда люди черпали воду, или то, что внутри своей религии они активно практиковали ритуальные убийства. Тем не менее этот труд принес автору должность профессора восточных языков в университете Гейдельберга. Позже публикация подобного издания вызвала протест при дворе в Вене, и на весь тираж, состоявший из 2 000 экземпляров, был наложен арест и запрет на дальнейшее распространение. В 1711 г. после смерти Айзенменгера стараниями его потомков, которые сумели получить разрешение на переиздание у прусского короля Фридриха I, сочинение снова увидело свет. И только в 1893 г. в Дрездене вышла переработка «Разоблаченного иудаизма», содержащая опровержение многочисленных неправдоподобных моментов в сочинении Айзенменгера.

Оба трактата, избранные Жуковским для освоения «еврейского вопроса», складываются в любопытнейшую оппозицию. Инспирированные одними и теми же событиями, изданные в одном городе с разницей в двадцать один год, – они преследуют диаметрально противоположные цели: автор одного сочинения стремится оправдать и защитить, другого – разоблачить и осудить. В процессе атрибуции было установлено, что все выписки принадлежат исключительно изданию А. Айзенменгера. Несмотря на это, едва ли можно говорить о том, что русского классика интересовала негативная сторона иудейства. Характер выписок, напротив, позволяет судить о наличии живого интереса к базовым элементам, образующим в целом каркас этой религии.

Жуковский выписывает название ада у иудеев, устройстворая и существ, которые его населяют, знаковый символ иудаизма – гора Синай, на которой этому народу была дарована Тора, – также не остается без внимания, что дает поэту первые основные представления о том, как устроен мир согласно иудейской религии.

Иудаизм всегда приписывал великую силу упоминанию имени Бога. Заповедь «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно» (Исх. 20: 7) рассматривается как запрет на произнесение ложной клятвы именем Бога. В молитвах оно заменяется именем Адонай (букв.: *Господь*), Элоим (букв.: *Всесильный*) или оборотом «а-Шем» (букв.: *это имя*). Русский романтик выписывает древнееврейское произношение имени Бога в транскрипции.

В терминологии иудаизма существует несколько понятий для определения души. *Нефеш* – душа, которую человек получает при рождении, *нешама* – высшая форма души, пробуждающаяся во время молитвы, и *руах* – дух. Человеческая душа в иудаизме традиционно связывается с дыханием, и первоначально слово «нефеш» означало «органы дыхания». Понятие души – одна из тех универсалий, которым Жуковский неизменно уделял особое внимание при чтении духовных сочинений.

Так, Жуковский выписывает из книги «Разоблаченное иудейство» самое интересное с художественной точки зрения: опорные элементы эмблематики и религиозно-иудейской символики, имена-образы, фигуры и цифры, а также те понятия, которые имеют аналогии в христианстве и составляют основу его поздней религиозно-романтической концепции.

Стремление получить наиболее полные и объективные сведения о религии еврейского народа естественно, поскольку объясняется программным интересом Жуковского к иудаизму. Изучение основ этой религиозной традиции, проникновение в самую ее суть было почвой, подготовившей рождение Иерусалимского проекта, задуманного поэтом за три года до кончины и изложенного в письмах великим князьям Александру и Константину Николаевичам, и стимулом для возвращения к работе над незаконченной поэмой «Странствующий жид», ставшей последней поэтической исповедью русского классика.

Устройство мира у иудеев

Автограф В. А. Жуковского	Перевод	[Eisenmenger, 1700]	Перевод
Zwei Paradiese – Die untere und die obere (///chbar.)	Два рая – ниж- ний и верхний	<i>Es hat Gott drei Welt erschaffen: die obers- te Welt, die mittelste Welt und die unterste Welt</i>	Господь сотво- рил три мира: вышний мир, средний мир и нижний мир
Gehinnom nann- ten die Hölle	Геенна назы- вают ад	<i>Ge ist ein sehr gro- ßer und weitläufftiger Ort, dann daselbsten ist die Länge der Höl- len, dieweil die Hölle Ge Ben Hinnom, das ist der Thal des Sohns Hinnom ge- nannt wird</i>	Ге – означает большое и про- тяженное про- странство, такое же как длина ада, поэтому ад был назван Геена, что означает «часть сына Гинном»
S<inai> in Him- mel gestiegen bei Gesetz geben – Lied mit Carmel und Thabo den andr<en> Berg<en>	Синай вырос до небес для даро- вания закона – песнь с другими горами, Кар- мэль и Табо	Kräffter bedeuten bißweilen die gute und böse Engel	Под «силами» (?) иногда понима- ются злые и доб- рые ангелы
Krä<ffter> des Paradies<es>. Bezeich<nung> von Engeln. Heil- sam. Die Engeln sprach zu ihnen: Wall//et sie schl/// sie (neun)	Силы (?) рая. Обозначение ангелов. Свято. Ангелы говори- ли им. они (девять)		
[нрзб.] Berg. Ein- gang in die Hölle	Гора. Вход в ад		
Löcher auf der Erde und T(F)eue	Дыры в земле		

Имя-образ Бога

Автограф В. А. Жуковского	Перевод	[Eisenmenger, 1700]	Перевод
Schem hammphorasch. Entweder wie der Name Jehova genannt sein muß. Oder die Entwickelung<ng> Heilige Name. Wunder [нрзб.]	Шем аммфораши. Или как нужно называть имя Иегова. Или раскрытие святого имени. Чудо	<i>Es bedeutet also Schem hammphorasch viel als einen Nahmen, der von andern ab-gesondert und ihm allein zugehört</i>	Имя Шем аммфораши значит больше, чем просто имя, которое отличает от других и ему одному принадлежит

Душа

Автограф В. А. Жуковского	Перевод	[Eisenmenger, 1700]	Перевод
Seele waren in Adam entbehrt. Er der Verbot – Unordnung durch Fall	Душам нужен был Адам (?) Он [нарушил] запрет – нарушение порядка из-за падения	<i>Gott in dem Menschen drei Seelen gegen denselbigen drei Welten erschaffen habe, nämlich die Nephesch – das ist die Seele, und den Ruach – das ist der Geist, und die Neschama – das ist die trefflichste Seele</i>	Подобно трем мирам, Бог создал в человеке три души, а именно нефеш – душа, руах – дух и нешама – возвышенная душа
In der Nacht die Höhe Seele – in Paradies	В ночи возвышенные души – в раю	<i>Die Seelen der Juden ein Teil von Gott sein, da doch die Gottheit unzertrennlich ist und sich nicht teilen lässt</i>	Души евреев – суть часть Бога, однако Бог неделим
An jeder Sabbath eine Höhere Stufe die Neschama (heilige Seele) (нрзб.)	Для каждой субботы (шабата) высокий уровень души нешама (святая душа)		
Stamm der Seele	Основа души		

Иерусалимский проект представляет собой историко-политическую концепцию, вобравшую в себя всю суть религиозно-христианского мировоззрения позднего Жуковского. Для определения причин, побудивших поэта замыслить столь неожиданный проект, обратимся к истории. 2 (14) сентября 1829 г. между Россией и Османской империей был подписан Адрианопольский мир. Победа России в Русско-турецкой войне была полной, но не блестящей. Народ жаждал славы своего Отечества, все ждали освобождения Константинополя или Иерусалима (в идеале – обоих городов), которые по итогам мира продолжали оставаться под властью турецкого султана. Двадцать лет спустя Россия, Франция, Англия и Австрия начали дискуссию по вопросу об обширном наследстве владений Оттоманской империи в случае ее краха. Великий князь Константин Николаевич буквально грезил Константинополем, считая, что в его завоевании кроется историческая миссия России, о чем сообщил в письме В. А. Жуковскому. Поэт взглядов великого князя не разделял, видя в завоевании Стамбула опаснейший шаг, который способен привести к столкновению заинтересованных держав. Такой войны для России Жуковский не желал, оставался лишь Иерусалим...

По верному замечанию Т. Т. Гузаирова, точного ответа, основанного на документальном свидетельстве, на вопрос, каким образом Жуковский в итоге пришел к предложению освободить не Царьград, а именно Иерусалим и храм Гроба Господня, не существует. Но исследователь выдвигает свою версию, кажущуюся весьма интересной. Суть ее заключается в том, что существует связь между Иерусалимским проектом и поэмой «Агасфер, или Странствующий жид», над которой в это же время возобновил работу первый русский романтик. Напомним, что ключевая идея поэмы – это прохождение любой грешной душой долгого пути от совершения греха и нежелания его осознать к искуплению своей вины, обретению Бога и единственной возможной для автора истиной христианской веры. Т. Гузаиров особо подчеркивает, что причину разрушения Иерусалима Жуковский видит в отвержении иудейским народом Иисуса Христа. «Описание разрушенного пожаром Иерусалима напоминало созданный Жуковским в письмах образ Европы. Священная и литературная история соотносились с современными событиями. <...> Современный мир, согласно автору поэмы “Агасвер”, должен преобразоваться в христианский, обрести подлинную веру, которая, в итоге, восстановит разрушенный Иерусалим-Европу. Поэтому миссию России и других христианских государств поэт видел в освобождении не Константинополя, а Иерусалима и храма Гроба Господня. Это был уже реальный путь современной истории» [Гузаиров, 2007, с. 111–112].

По замыслу классика, глава Оттоманской империи по собственной воле должен был отдать Иерусалим европейским державам. В письме от 4 (16) января 1850 г. Жуковский пишет великому князю Александру Николаевичу: «Теперь и в мысли не приходит, чтобы султан мог отказаться исполнить требование всех государей Европы об освобождении Гроба Христова и Его Града, тем более что ни один исключительно, а все вместе Европейские государи сделались бы только стражами этой святыни и что сборное войско, на то употребленное ими, могло бы быть в то же время и союзным султану» [Там же, с. 114].

Исследователями не раз отмечалось, что исторический, литературный и биографический планы у Жуковского традиционно пересекаются. Так, Иерусалимский проект, поэма «Странствующий жид» и выписки из немецкой духовно-назидательной литературы тесно сплетены друг с другом. Сам жанр выписок характерен для писателя, поскольку делать «экстракты» различных идей из наиболее значимых изданий всегда было излюбленным приемом Жуковского-читателя. По справедливому замечанию А. С. Янушкевича, «этот тип чтения-осмысления вообще был присущ Жуковскому, который еще в период начального самообразования обосновал необходимость и значимость “экстрактов”, где чужое

становится своим, выписки дополняются собственными мыслями. Подобные экстракты концентрировали впечатление от прочитанного и отражали определенную созвучность мыслей, изложенных читателем, и размышлений Жуковского-поэта. Таким образом, подобные конспекты-экстракты становились вехами эстетического и творческого развития их автора» [Янушкевич, 1988, с. 217]. Наиболее яркими репрезентантами подобного читательского приема стали «Конспект по истории литературы и критики» (1804–1811) и выписки из немецкой эстетики и критики 1818–1820-х гг. Осуществление подобных конспектов и выписок у Жуковского всегда симптоматично, являясь свидетельством преодоления поэтом нового рубежа в эстетическом и творческом плане, изменения типа художественного мировидения, что неоднократно было отмечено исследователями. Ср.: «Глубокое и целенаправленное чтение и штудирование в 1805–1810 гг. сочинений европейской эстетики и созданный на основе этого чтения “Конспект по истории литературы и критики” позволяют острее почувствовать процесс перестройки художественного сознания молодого поэта, его путь к философии “внутреннего человека” и поэтике “театра страстей”. Системное исследование этого процесса, через синтез читательских помет, экстрактов, планов, конспектов... дает возможность увидеть истоки нового мирозерцания автора баллад» [Канунова, Янушкевич, 1998, с. 50]. Выписки из немецкой духовной литературы в записных книжках 1840–1850-х гг., осуществленные четырнадцатью годами позже, также свидетельствуют об эволюции взглядов поэта: очевидна эстетическая переориентация Жуковского и смена эстетической проблематики. Если характер выписок 1818 г. демонстрирует органическую связь размышлений Жуковского с поисками формирующейся русской романтической эстетики, то выписки из немецкой духовно-назидательной литературы периода 1840–1850-х гг. стали третьим и финальным этапом, после «Конспекта по русской литературе и критике» в 1804–1811 гг. и выписок из немецкой эстетики и критики в 1818–1820-х гг., знаменующим переход от поэтического мировоззрения к религиозному.

С 1840-х гг., как известно, для Жуковского наступила «минута христианства» [Долгушин, 2013, с. 95]. Религиозное сознание окончательно укоренилось в жизни и творчестве русского классика. Издания немецкой духовно-назидательной литературы к этому моменту давно стали постоянными добрыми спутниками поэта, служившими источником вдохновения на создание новых масштабных проектов и личного утешения. Немецкие автографы, обнаруженные на страницах записных книжек 1840–1850-х гг., – важнейшие свидетельства сознательной переориентации Жуковского. Материал выписок позволяет совершенно по-новому открыть позднее, «рожденное» в Германии наследие и ставит вопрос о необходимости системного осмысления и других бумаг В. А. Жуковского 1840–1850-х гг.

Список литературы

Айзикова И. А. Евангельские идеи, мотивы, образы в «святой прозе» В. А. Жуковского // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск, 2008. С. 168–197.

Виницкий И. Ю. Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое изображение В. А. Жуковского. М., 2006.

Гузаиров Т. Т. Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования: Дисс. ... д-ра филол. наук. Тарту, 2007.

Долгушин Д. В. Протоиерей Иоанн Базаров и В. А. Жуковский: из истории религиозно-философских исканий русского образованного общества 1840-х годов // Вестн. ПСТГУ. 2013. Вып. 4 (53). С. 90–104.

Канунова Ф. З., Янушкевич А. С. В. А. Жуковский в современном мире (итоги и перспективы изучения наследия поэта в Томском государственном университете) // Вестник Том. гос. ун-та. № 266. 1998. С. 47–53.

Янушкевич А. С. Выписки В. А. Жуковского из произведений немецкой эстетики и критики // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. 2. Томск, 1988. С. 203–229.

Cardoso Y. Las excelencias de los Hebreos. Amsterdam, 1679.

Eisenmenger J. Entdecktes Judenthum. Amsterdam, 1700.

Tauler J. Johann Tauler's Predigten. Nach den besten Ausgaben und unveraendertem Text in die jetzige Schriftsprache uebertragen. Bd. 1–3. 2 Theil. Frankfurt a. M., 1826.

K. I. Dubovenko

**The German ecclesiastical-protreptic literature
in notebooks of V. A. Zhukovsky of the 1840-1850s**

In the article V. A. Zhukovsky's mostly unpublished and uninvestigated notebooks of the 1840–1850s are considered. The autographs and marginalia are attributed, dated and commented basing upon the authentic culture-historical context and appear in Zhukovsky's religious quests. The final evolutionary step of his creative thinking correlates with the authentic German environment and the context of the last decade of his creative life. The resonant dialog of Zhukovsky with the German ecclesiastical-protreptic literature of the 19th century is characterized in the article, the direct harmonies of the parts of works of German authors the poet chose and the motives of his late works and plans are discovered. German extracts from the ecclesiastical-protreptic literature in notebooks of the 1840–1850s show the high interest of Zhukovsky in the material, his own strategy of understanding.

Keywords: notebooks of V. A. Zhukovsky, the German autographs, the German ecclesiastical-protreptic literature.